

Категория «правонарушение» в юридическом позитивизме

***Аннотация.** Статья посвящена анализу категории правонарушения в контексте юридического позитивизма на примере трудов выдающегося русского юриста начала XX в. Габриэля Феликсовича Шершеневича. Исследуются воззрения ученого на право, понимание которого не сводилось сугубо к приказу государственной власти ввиду того, что потребность соблюдения законов заложена в человеке уже на подсознательном уровне. Отмечается, что возможность несоблюдения нормы права, по мнению исследователя, заложена в ней самой. Анализируются такие признаки правонарушения, как деяние, которое может выражаться в формах совершенных и допущений, его волевой характер, противоправность, вина, вред и наказуемость. Приводятся понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния, — необходимой обороны и крайней необходимости, а также их различие.*

***Ключевые слова:** правонарушение, совершения, допущения, противоправность, вина, вред, наказуемость, необходимая оборона, крайняя необходимость.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.065-073

Начало XX в. в истории нашего государства было ознаменовано качественным развитием юридической науки в целом и теории правонарушения в частности. В этом контексте необходимо отметить направление юридического позитивизма, в рамках которого особенно интересны взгляды на правонарушение выдающегося русского юриста, цивилиста, профессора Казанского и Московского университетов Габриэля Феликсовича Шершеневича (1863—1912).

Исследуя нравственность и право как общественные правила, ученый выделил их общую особенность: «Как и нравственность, право

подвержено изменчивости. То, что у одних народов признается преступным, то у других охраняется как право»¹. Например, в одном государстве попытка сменить существующий монархический строй понимается как покушение на установленный строй, а попытка восстановить королевскую власть в республике карается как государственное преступление. В одной стране жена без согласия мужа не может заключить ни одной юридической сделки, а в другой она совершенно самостоятельна. «Отсюда ясно, что не существует естественного права, которое бы не подвергалось изменчивости и которое бы не зависело от условий времени и места», — заклю-

¹ Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича. М., 1908. С. 69.

© Егоров А. А., 2018

* Егоров Александр Александрович, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
egorov.a90@mail.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

чает Г. Ф. Шершеневич². Следовательно, юридические нормы могут создаваться только государственной властью. Это умозаключение ученого красной нитью пронизывает учение юридического позитивизма, выступая его лейтмотивом.

Тем не менее исследователь излишне не абсолютизировал понимание нормы права как приказа государственной власти. Это положение можно проиллюстрировать взглядами самого Шершеневича. Разделяя позицию А. Н. Радищева, Габриэль Феликсович усматривает потребность в соблюдении законов уже на подсознательном уровне. В данном случае на первый план выходит основанное на совести и воспитании чувство следовать велению закона³. Именно законы определяют границы дозволенного и запрещенного поведения, однако они могут нарушаться. «Если граждане поступают согласно с законами, изданными властью, которой они подчинены, то их поведение признается законным, в противном случае — противозаконным», — убежден ученый⁴. Возможность несоблюдения нормы права заложена в ней самой: «Возможность нарушений норм права составляет их необходимое предположение, потому что нормы права стремятся угрозою воздействовать на сопротивляющуюся волю отдельных членов»⁵. Габриэль Феликсович совершенно правильно отразил природу мотивации правового поведения. В случае если человек не совершает правонарушение, то мотивы, которыми он руководствовался, не имеют юридического значения и, соответственно, не регулируются законом. Однако ситуация кардинально меняется в случае нарушения закона. Например, убийство, совершенное в порыве ревности, и убийство, совершенное из корыстных соображений, отнюдь не равнозначны.

Общепризнано, что природа правонарушения как социально-правового явления отражается в его признаках, под которыми принято понимать существенные черты противоправного деяния. Г. Ф. Шершеневич сформулировал достаточно развитую конструкцию этих признаков. «Правонарушение выражается всегда и только в действии человека», — категорично заявляет Г. Ф. Шершеневич⁶. Более того, ученый раскрывает правовую природу этой формы внешнего выражения противоправного деяния: «Под именем действия мы понимаем такое выражение воли, которое направлено на некоторое изменение во внешнем мире»⁷. На это обстоятельство указывал еще признанный классик немецкой философии Г. В. Ф. Гегель, который отмечал, что «государственные законы не могут распространяться на убеждения, ибо в области морального я есть для себя самого и насилие здесь не имеет смысла»⁸. Таким образом, Г. Ф. Шершеневич необходимым признаком правонарушения признавал деяние в форме действия, сводя его проявления к физическому воздействию на других людей или предметы природы.

Признавая момент воли необходимым для понятия о действии, ученый писал: «Гражданин может отлично знать, чего требует закон, и в то же время поступать совсем наоборот»⁹. В то же время отсутствие воли исключает возможность квалифицировать поведение человека как действие. В качестве примера исследователь упоминает состояние гипноза, под воздействием которого человек может осуществлять значительные изменения вовне. Вместе с тем Габриэль Феликсович совершенно справедливо полагал, что состояние воли, не нашедшее выражение во внешних проявлениях, также не подпадает под понятие действия¹⁰. В данном случае речь идет

² Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича.

³ Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича. С. 73—74.

⁴ Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича. С. 70.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910—1912. С. 629.

⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 629—630.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 630.

⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 143.

⁹ Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича. С. 73.

¹⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 630.

о внутренней борьбе мотивов, переживаемых человеком, который предполагает какое-либо намерение во внешнем мире, например задумывает преступление или обдумывает завещание. Деяние всегда связано с субъектом. На этой особенности исследователь также акцентировал внимание.

Ученый полагал, что «...правовой порядок имеет дело только с действиями человека, хотя действовать могут и животные»¹¹. Здесь, по мнению исследователя, речь идет лишь о событиях, наносящих вред человеку, все равно как если бы они исходили от слепых сил природы. Общеизвестно, что в странах средневековой Европы были широко распространены случаи привлечения к юридической ответственности животных и даже неодушевленных предметов, в отношении которых осуществлялся весь комплекс процессуальных действий¹². Таким образом, деяние, по мнению Габриэля Феликсовича, представляет собой совершенное человеком волевое действие, повлекшее изменения во внешнем мире. Далее ученый раскрывает формы деяния, к которым он относил совершения и допущения.

По мнению ученого, «в первом случае человек производит вовсе не изменение, которое он не должен был учинять, напр., лишает жизни другого человека, разрывает документ»¹³. Эта форма действия с современной точки зрения сводится к физическому воздействию на других людей или на различные предметы внешнего мира. Такое неправомерное проявление отрицательной социальной активности является наиболее распространенным на практике. Однако для Г. Ф. Шершеневича было очевидно, что это не единственная форма деяния.

Вторая форма деяния характеризуется тем, что человек позволяет произойти изменениям, которые он обязан был предотвратить¹⁴. В качестве примеров исследователь отмечал неявку к отбыванию воинской службы, которая приводит к замешательству в служебном отношении, а также невыплату своим кредиторам, при которой последние теряют известную ценность. Эти примеры подпадают под современное понимание бездействия как формы деяния. Однако сам Г. Ф. Шершеневич считал иначе. Ученый писал: «Такое упущение не следует рассматривать как бездействие, потому что при бездействии отсутствует всякий мотив к изменению, а при упущении как действию имеется воля, направленная на некоторое изменение»¹⁵. С этой точкой зрения согласиться нельзя, так как совершенно очевидно, что при бездействии могут присутствовать как корыстные, так и низменные мотивы. На этом акцентирует внимание Е. Л. Поцелуев¹⁶. Таким образом, Г. Ф. Шершеневич неоправданно отграничивал допущение от бездействия ввиду того, что первое охватывается вторым и не образует самостоятельной формы деяния.

Следующим признаком правонарушения исследователь считал противоправность. «Правонарушение есть действие противоправное. Действие, согласное с правом, допускаемое правом, не может рассматриваться как правонарушение», — убежден Габриэль Феликсович¹⁷. Такое понимание признака противоправности в самом общем виде актуально по сей день. Например, современный исследователь Д. А. Липинский пишет: «Противоправность деяния связана с тем, что правонарушитель нарушает норму права, не соблюдает предписанную нормой права модель

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

¹² См. подробнее: Иванов А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004. С. 13.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 630.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

¹⁶ Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. С. 73.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 631.

¹⁸ Липинский Д. А. Формы реализации юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. Тольятти, 1999. С. 113.

поведения»¹⁸. Г. Ф. Шершеневич раскрывает содержание этого признака применительно к гражданскому правонарушению: «Гражданское правонарушение есть прежде всего недозволенное действие, т.е. действие, запрещенное объективным правом. Поэтому всякое действие, которое является только осуществлением права, которое не выходит из пределов, очерченных законом субъективному праву, не составляет правонарушения, как бы оно ни было вредно другим лицам...»¹⁹ Как мы видим, признак противоправности раскрыт ученым достаточно четко.

Исследователь задается вопросом о том, что же нарушает противоправное деяние: «Может быть, правонарушение есть действие, нарушающее интерес?»²⁰ Автор приходит к выводу, что если интересы человека страдают от чужих действий, то это еще не означает, что речь идет о правонарушении. В качестве примера он приводит конкуренцию, которая, несомненно, нарушает частные интересы, но не образует правонарушения. Подобно этому свобода слова, по мнению исследователя, представляет собой общественный интерес, однако цензор, сдерживающий ее проявление, также действует правомерно.

Результатом этих изысканий становится следующее умозаключение: «Остается предположить, что правонарушение есть нарушение права, т.е. поведение человека, противное праву»²¹. Этот вывод логически ставит перед исследователем вопрос: какое право нарушается — субъективное или объективное? «Правонарушение всегда представляет нарушение норм объективного права, а иногда и субъективных прав», — заключает Г. Ф. Шершеневич²². Похищение чужой вещи одновременно нарушает субъективное право собственника и объективное право страны. Если же человек перевозит

в газете республику перед монархией, он нарушает объективное право, но не субъективное право монарха.

На что же непосредственно посягает правонарушитель: на норму права или регулируемые и охраняемые ею социальные связи и отношения? Представители нормативной теории полагали, что правонарушитель причиняет вред не конкретному благу, а норме права²³. Необоснованность этой позиции была очевидна современникам. С. В. Познышев писал: «Законы нисколько не видоизменяются и не страдают от нарушающих их деяний. Объектом же преступления может считаться лишь то, что служит, так сказать, мишенью для преступника, уничтожается, видоизменяется, так или иначе, словом, страдает от деяний преступника»²⁴. Эту позицию разделял и Г. Ф. Шершеневич: «Разрушается или подрывается тот интерес, частный или общественный, который охраняется нормою права, а нарушение нормы выражается в том, что лица, к которым она обращена, действуют в отдельных случаях не так, как она того требует»²⁵. Однако ученый четко проводит идею нормативизма применительно к феномену правонарушения.

«И тем не менее сущность правонарушения состоит именно в поведении вопреки нормам права, исходящим от государственной власти, хотя бы ее веления не соответствовали в действительности ни общественным, ни частным интересам», — заключает ученый²⁶. Если действие человека, исполняющего служебные обязанности, не содержит в себе признака противоправности, то квалификация его в качестве правонарушения исключается. Так, по мнению исследователя, разгон полицией толпы и изъятие судебным приставом по исполнительному лицу имущества не образуют правонарушения.

¹⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М. : Спарк, 1995. С. 392.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 631.

²¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

²² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 632.

²³ См.: Лясс Н. В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. Л., 1963. С. 45.

²⁴ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Вып. 1. М., 1907. С. 119.

²⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 632—633.

²⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 633.

В качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния, Г. Ф. Шершеневич называл необходимую оборону и крайнюю необходимость.

Автор заключает, что «под необходимой обороной понимается нарушение обороняющимся лицом охраняемых правом интересов лица, незаконно нападающего»²⁷. Например, женщина ножом убивает посягающего на ее честь. Сходное понимание предлагали и дореволюционные представители науки уголовного права. Так, Л. С. Белогриц-Котляревский писал: «Необходимую обороною называется защита себя или других лиц против незаконного нападения или — иначе говоря — под этим именем разумеются те случаи, когда лицо, защищаясь от противозаконного посягательства на права или блага собственные или других лиц, нарушает права или блага нападающего»²⁸. Г. Ф. Шершеневич закрепляет пределы этого института.

Исследователь к числу условий правомерности необходимой обороны относил наличие факта незаконного и угрожающего опасностью нападения, невозможность защиты со стороны установленной власти и защиту, направленную к устранению опасности. При этом между средствами обороны и угрожающей опасностью должно быть соответствие²⁹. Сходную конструкцию пределов осуществления необходимой обороны в уголовном праве предлагал В. В. Есипов³⁰. Выделял ученый и крайнюю необходимость.

«Под состоянием крайней необходимости понимается спасение собственных интересов за счет чужих интересов от угрожающей и иначе неотвратимой опасности», — полагал Г. Ф. Шершеневич³¹. По его мнению, речь здесь идет

о ситуации, когда человек убивает напавшую на него собаку, тем самым причиняя ущерб ее хозяину. Аналогично ученый квалифицирует случай, когда человек, спасаясь от нападения сумасшедшего, прячется за другого, который в итоге попадает под удар. Исследователь выделяет отличия крайней необходимости от необходимой обороны: «...в первом случае нарушаются интересы третьих лиц, а во втором — интересы нападающего; во втором случае неправомерному нападению противопоставляется правомерная защита, а в первом происходит столкновение интересов, равно защищаемых правом»³². Ученый уделил внимание и субъективной стороне правонарушения.

По мнению некоторых ученых, правонарушение логически предполагает вину. «Как гражданское, так и уголовное правонарушение, — считает Лист, — есть вменяемое (виновное) действие»³³. Эту точку зрения разделяет Г. Ф. Шершеневич: «Правонарушение составляет нарушение велений и запретов права. Эти приказы обращены к воле людей, способных к вменению, и потому могут быть нарушены лишь по воле. Все, что не исходит от сознательной воли человека, представляется только явлением природы»³⁴. Ученый исключал возможность квалификации в качестве правонарушения деяний невменяемых лиц и несовершеннолетних: «Если говорить о правонарушении со стороны сумасшедшего, ребенка, то нужно последовательно говорить о правонарушениях со стороны животного, даже неодушевленных предметов»³⁵. Эту позицию поддерживал Н. С. Таганцев, который писал: «...ребенок, умалишенный не подлежат ответственности за учиненное ими зло, хотя бы

²⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 634—635.

²⁸ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1903. С. 235.

²⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 635.

³⁰ Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 224—231.

³¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 635.

³² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 635—636.

³³ Цит. по: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 636.

³⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

³⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

то, что они совершили, заключало в себе все признаки деяния, запрещенного законом под страхом наказания»³⁶. Вместе с тем эта очевидная, казалось бы, позиция, была принята не всеми исследователями. Так, Иеринг предлагал разграничивать объективное правонарушение как независимое от вины состояние и субъективное правонарушение, имеющее в своем основании вину³⁷. Эта точка зрения представляется весьма неоднозначной.

Г. Ф. Шершеневич убежден, что «в начальную эпоху развития права всякое правонарушение оценивалось со стороны причиняемой потерпевшему обиды. Вопрос рассматривается всецело с точки зрения пострадавшего. <...> Напротив, развитое право принимает во внимание не только точку зрения потерпевшего, но и точку зрения причинившего вред и стремится примирить их с социальной точки зрения. С социальной стороны, со стороны цели правового воздействия, момент вины в понятии правонарушения не может быть устранен»³⁸.

Признавая необходимость наличия вины, исследователь задается вопросом о том, насколько существенным моментом в правонарушении она является. Ученый писал: «Если виной называть ответственность за совершенное противоправное действие, то все дело сводится к тому: установлена ли ответственность за данное действие или нет. Если закон установил ответственность, значит, вина предполагается; если ответственности не установлено, следовательно, нет вины, нет и правонарушения»³⁹. Исследователь признает, что эта точка зрения полностью подходит к сфере уголовного права. В области же гражданского права дело обстоит сложнее: «Существуют, несомненно, случаи, когда закон соединяет известные юридические

последствия с действиями, в которых не открывается никакой вины»⁴⁰. Таким образом, ученый закладывает прообраз известной сегодня и неоднозначной концепции ответственности без вины. Так, собственник, по мнению исследователя, усматривает в добросовестном владельце нарушителя своего права, и закон помогает ему восстановить свое право: «Если мы говорим об ответственности добросовестного владельца перед собственником, хотя отсутствие вины отмечается в признании добросовестности, значит, возможна ответственность при отсутствии вины, а следовательно, мыслимо правонарушение без вины»⁴¹.

Вместе с тем Г. Ф. Шершеневич справедливо разграничивал понятия вины и ответственности: «Нельзя утверждать, что вина = ответственность. Ответственность есть следствие вины: если есть вина, то есть ответственность, но ответственность, т.е. обязанность возмещения вреда, мыслима и там, где вины нет. Вина же представляет собой состояние сознательной воли человека, который намеренно или неосмотрительно совершает действие, направленное на фактический результат, противный закону»⁴². Важным признаком правонарушения стоит признать вред.

Применительно к сфере гражданского права ученый писал: «Гражданское правонарушение предполагает причинение имущественного вреда. Лицо потерпевшее должно испытывать убытки в имуществе, которое уменьшается сравнительно с тем, чем оно было, если бы не наступило недозволенное действие»⁴³. Вредоносные последствия, по мнению исследователя, могут состоять как в действительном ущербе, так и в потерянной выгоде⁴⁴. Г. Ф. Шершеневич выделяет не только материальный, но и нравственный

³⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 144.

³⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 636—637.

³⁸ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 637.

³⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 638.

⁴⁰ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

⁴¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

⁴² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права.

⁴³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С. 392.

⁴⁴ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 680.

вред: «Нравственный вред — это именно тот, который не поддается денежной оценке. Если он поддается, то это уже не нравственный вред, а только имущественный»⁴⁵. Автор не просто называл деяние и вред в качестве признаков правонарушения, но и отмечал их взаимосвязь: «Гражданское правонарушение предполагает сосуществование незаконного действия и вреда, которое обнаружило бы между ними причинную связь»⁴⁶. Таким образом, формулируется классическая структура объективной стороны правонарушения, включающая в себя деяние, наступивший вредоносный результат и юридически значимую причинно-следственную связь между ними. Важно отметить, что совершение противоправного деяния всегда предполагает меру ответственности для виновного.

Автор отмечал, что «последствия правонарушений выражаются главным образом в двух формах: 1) наказание и 2) вознаграждение за вред»⁴⁷. В данном случае речь идет о наступлении юридической ответственности за совершенное деяние как о признаке правонарушения. Карательная суть наказания как последствия правонарушения, по мнению ученого, состоит в причинении нарушителю права страданий посредством отнятия у него какого-либо блага: жизни, свободы, телесной неприкосновенности, имущественной неприкосновенности (штрафная конфискация). Вознаграждение же пострадавшего от правонарушения за вред, причиненный ему нарушителем, состоит в восстановлении нарушенного равновесия интересов.

Исследователь выделял еще и третий вид последствий за совершенное правонарушение. Речь идет о принудительном восстановлении того фактического состояния, с которым связан интерес потерпевшего⁴⁸. Например, если у собственника похищена принадлежащая ему вещь, то он прежде всего заинтересован в возвращении ему этой вещи путем полицейской силы. Вид последствий за совершенное правонарушение, по мнению ученого, напрямую определяет вид противоправного деяния: «Нарушение права, насколько оно сопровождается наказанием как последствием, называется уголовным правонарушением или преступлением. Если же нарушение права вызывает вознаграждение за вред, то оно составляет гражданское правонарушение»⁴⁹.

Анализ трудов Г. Ф. Шершеневича позволяет определить правонарушение как совершенное человеком волевое, противоправное деяние в форме совершения или допущения, нарушающее нормы объективного, а иногда и субъективного права, причинившее материальный или нравственный вред и влекущее за собой наказание, вознаграждение за вред или принудительное восстановление того фактического состояния, с которым связан интерес потерпевшего. Как мы видим, эта выведенная опосредованным способом на основе анализа взглядов исследователя дефиниция отражает признаки деяния, его волевого характера, вреда и наказуемости.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. — Киев, 1903. — 628 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
3. *Есипов В. В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. — Варшава, 1894. — 419 с.

---

⁴⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 682.

⁴⁶ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 684.

⁴⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 640.

⁴⁸ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 641.

⁴⁹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 641.

4. Иванов А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. — М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004. — 120 с.
5. Липинский Д. А. Формы реализации юридической ответственности / под ред. Р. Л. Хачатурова. — Тольятти, 1999. — 125 с.
6. Лясс Н. В. Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 78 с.
7. Общее учение о праве и государстве. Лекции Г. Ф. Шершеневича. — М., 1908. — 159 с.
8. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. — Вып. 1. — М., 1907. — 121 с.
9. Поцелуев Е. Л. Эволюция категории «правонарушение» в истории западной и отечественной юридической мысли (XVII — начало XX в.) : монография. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2004. — 156 с.
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : в 2 т. — М. : Наука, 1994. — Т. 1. — 380 с.
11. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. — М., 1910—1912. — 833 с.
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М. : Спарк, 1995. — 556 с.

Материал поступил в редакцию 11 декабря 2017 г.

THE "OFFENSE" CATEGORY IN LEGAL POSITIVISM

EGOROV Aleksandr Aleksandrovich — Lecturer of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 egorov.a90@mail.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the category of offense in the context of legal positivism on the example of the works written by an outstanding Russian lawyer of the early 20th century Gabriel F. Shershenevich. The paper is devoted to the analysis of his views concerning law. Gabriel Shershenevich's understanding of law was not limited to the order of the state power, because the need for observance of laws is laid in the person subconsciously. In the researcher's opinion, non-observance of the rule of law is inherent in itself. The paper analyzes such signs of an offense as an act that can be expressed in forms of commissions and assumptions, its strong-willed character, wrongfulness, guilt, harm and punishability. Also, the author highlights the circumstances that exclude criminality of the act, namely, necessary defense and extreme necessity, as well as explains their differences.*

Keywords: *Offense, commission, assumptions, wrongfulness, guilt, harm, punishability, necessary defense, extreme necessity.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belogrits-Kotlyarevskiy L. S. Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti. — Kiev, 1903. — 628 s.
2. Gegeľ G. V. F. Filosofiya prava. — M. : Mysl', 1990. — 524 s.
3. Esipov V. V. Oчерk russkogo ugovnogo prava. Chast' obshchaya. Prestuplenie i prestupniki. Nakazanie i nakazuemye. — Varshava, 1894. — 419 s.
4. Ivanov A. A. Pravonarushenie i yuridicheskaya otvetstvennost'. — M. : Yuniti-Dana, Zakon i pravo, 2004. — 120 s.

5. *Lipinskiy D. A.* Formy realizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti / pod red. R. L. Khachaturova. — Tol'yatti, 1999. — 125 s.
6. *Lyass N. V.* Normativnaya teoriya v sovremennom burzhuaznom ugolovnom prave. — L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1963. — 78 s.
7. Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. Lektsii G. F. Shershenevicha. — M., 1908. — 159 s.
8. *Poznyshev S. V.* Osnovnye nachala nauki ugolovnoy prava. — Vyp. 1. — M., 1907. — 121 s.
9. *Potseluev E. L.* Evolyutsiya kategorii «pravonarushenie» v istorii zapadnoy i otechestvennoy yuridicheskoy mysli (XVII — nachalo XX v.) : monografiya. — Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2004. — 156 s.
10. *Tagantsev N. S.* Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii : Chast' obshchaya : v 2 t. — M. : Nauka, 1994. — T. 1. — 380 s.
11. *Shershenevich G. F.* Obshchaya teoriya prava. — M., 1910—1912. — 833 s.
12. *Shershenevich G. F.* Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). — M. : Spark, 1995. — 556 s.